

Оглавление

Введение. Прошлое и настоящее науки о литературе	5
Глава 1. Методы и школы в литературоведении XIX века	33
Биографический метод	33
Психологическая школа и метод	39
Культурно-историческая школа	50
Сравнительно-исторический метод и историческая поэтика	55
Герменевтика	61
Импрессионистическая критика	64
Глава 2. Методы и школы литературоведения XX века	69
Марксистское и неомарксистское литературоведение	69
Формальная школа и формальный метод	83
Феноменология и «Новая критика»	88
Психоаналитическое литературоведение и критика	93
Тематическая критика	106
Мифологическая критика	110
Экзистенциалистская критика	113
Структурализм	119
Глава 3. Современное литературоведение: методы, школы, тенденции	131
Постструктурализм. Интертекстуальный анализ и дискурс-анализ	131
Рецептивная эстетика и рецептивная критика	153
Теория и метод культурного трансфера	158
Генетическая критика	160
Постколониальные исследования	165
Компаративистика, имагология и имагопоэтика	176
Социология литературы	202

Глава 4. Некоторые актуальные проблемы современного литературоведения	217
Проблема автора и ее проекция в методологии литературоведения	217
Референциальность литературы и проблема реализма	226
Заключение	251
Литература	253

ВВЕДЕНИЕ

Прошлое и настоящее науки о литературе

Самое ценное в интеллектуальном отношении отыскивается позднее всего. Но самое ценное — это методы.

Ф. Ницше

Метод — это социальное и политическое оружие.

Ж.-П. Сартр

Наука о литературе относительно молода. Она зародилась в конце XVIII в. на волне усиливавшегося тогда интереса к этнокультурной проблематике. Рубеж XVIII–XIX вв. открывает эпоху становления национальных буржуазных государств. В это время немецкий философ Гегель вводит в культурный обиход Европы словосочетание *volksgeist*, «дух народа», «дух нации». Каждый народ самобытен и является моментом развития «мирового духа» (*Weltgeist*). Романтики обращаются к изучению фольклора, собиранию народных сказок, в которых, как они полагали, нужно прежде всего искать отражение «духа народа». Затем по тем же причинам этот интерес был перенесен и на изучение национальных языков и литератур. В начале XIX в. Гёте выдвигает идею «всемирной литературы».

Основателем литературоведения как специальной научной дисциплины принято считать немецкого ученого-филолога Фридриха Августа Вольфа (1759–1824), научная деятельность которого пришлась на последнюю треть XVIII — начало XIX в. Вольф занимался изучением античной литературы, первым поставил «гомеровский вопрос» в его современном виде. Впоследствии, став профессором одного из университетов, многое сделал, чтобы утвердить филологию как самостоятельную научную дисциплину¹.

¹ В XVIII в. преподавание языков и литературы велось в рамках теологических факультетов университетов, филология мыслилась как производная ветвь теологии.

Рефлексия о литературе существовала задолго до появления науки о литературе. Яркий пример — «Поэтика» Аристотеля. Традиция была продолжена писателями эпохи Возрождения («О народном красноречии» Данте, «Генеалогия языческих богов» Дж. Боккаччо, «Рассуждения о героической поэме» Т. Тассо, «Защита и прославление французского языка» Ж. дю Белле), а затем в многочисленных эссе и трактатах на темы искусства и литературы теоретиков классицизма. Однако эта многовековая традиция опиралась на платоновско-аристотелевскую эстетику, согласно которой произведение искусства — всего лишь результат подражания миру первообразов-эйдосов (мимесиса). Художник не является активным творческим субъектом, чье изображение порождает оригинальные образы и идеи. Эйдосы как некие универсальные духовные первоосновы бытия существуют независимо от художника. Он лишь пассивный ремесленник, который, владея своим инструментом и зная определенные правила своего ремесла, создает подобия, бледные копии первообразов-эйдосов. Если искусство — это разновидность ремесла, то, как всякому ремеслу, ему можно научиться. Всякий процесс обучения предполагает овладение знаниями, правилами, моделями. Художник тоже должен, если он хочет стать мастером своего дела и создавать значительные произведения, следовать универсальным, т. е. неизменным, вечным правилам и образцам. Отсюда нормативный характер доромантической эстетики, ориентировавшей художников на подражание «древним».

Эта логика была пересмотрена в эпоху романтизма. Особый вклад в подрыв аристотелевской парадигмы внесли немецкие мыслители рубежа XVIII–XIX вв. Первым среди них нужно назвать Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803), автора трактата «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791). Просветительскому универсализму, исходившему из представления об универсальности законов человеческого разума и на этом основании утверждавшему всеобщность и неизменность законов красоты, Гердер противопоставил идею культурно-исторической относительности. Народы живут в разных исторических и природных условиях, которые накладывают отпечаток на их нравы, законы, обычаи, вкусы. Не существует универсальной человеческой сущности. Не существует и единых неизменных для всех эпох и народов норм прекрасного. Гердеровский релятивизм расшатывал здание аристотелевской нормативной эстетики. Идея принци-

ального и неустранимого разнообразия культурно-исторического мира, его изменчивости будет воспринята романтиками и положена в основу их эстетики. Гердер создал важнейшую предпосылку возникновения социально-гуманитарных наук — историзм, который станет принципом научного подхода к изучению явлений культуры.

Существенный вклад в формирование новой эстетики внес немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804). Если Гердеру принадлежит заслуга переосмысления культурно-исторического процесса, то Кант предложил новую концепцию личности. Человек — духовное существо, обладающее свободой, способное к целеполаганию. Культура — продукт свободной деятельности человека. Эта концепция предвосхитила романтическую эстетику, которая стала рассматривать произведение искусства как продукт индивидуального вдохновения и свободной самореализации творца. Художник не ремесленник, мастер, творящий по правилам, но вдохновенный гений, который руководствуется не правилами, а воображением, интуицией. Так зарождалась идея свободы творчества.

Значительный вклад в становление научной рефлексии о литературе внес Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831). В «Эстетике» он затронул методологические проблемы искусствознания, в частности поставил вопрос о самой возможности и необходимости научного изучения искусства. Признавая различия между искусством и наукой, Гегель задавался вопросом о возможности адекватной научной рефлексии об искусстве. Можно ли язык образов без потерь перевести на язык понятий? Гегель дает положительный ответ на этот вопрос, исходя из своей философской концепции, что все в природе и обществе является инобытием и саморазвитием некоего высшего и абсолютного начала — «мыслящего Духа». Дух познает себя в трех формах — религии, искусстве и философии. Таким образом, каждая из трех форм общественного сознания есть способ познания Истины. «Так как искусство занимается истинным как абсолютным предметом сознания, то оно также принадлежит к абсолютной сфере духа...» — писал Гегель².

Философия, по Гегелю, является высшей формой самопознания Духа. Будучи сферой свободной абстрактной мысли,

² Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1968. Т. 1. С. 109.

философия мыслилась Гегелем как самая чистая из форм познания, а следовательно, и наука, сближающаяся с философией в своей чистой рациональности, способна познать искусство. Вывод Гегеля: искусство поддается «философскому освещению» или, что одно и то же, «систематическому научному изучению».

Гегель полагал, что научное изучение искусства не только возможно, но и необходимо на современном этапе, поскольку в эпоху господства философии, какой представлялась ему современность, искусство не только доставляет человеку, как это было на более ранних этапах развития общества, непосредственное эстетическое наслаждение, но и будит его мысль, побуждает к рефлексии над содержанием и формой произведений искусства. Отсюда следовало заключение, что «наука об искусстве является поэтому в наше время более настоятельной потребностью, чем в те эпохи, когда искусство уже само по себе доставляло полное удовлетворение»³.

Представления Гегеля о методологии искусствознания были следствием его понимания искусства как формы саморазвития и самопознания «абсолютного Духа». «Абсолютный Дух» одновременно раскрывает и познает себя в искусстве подобно тому, как «мировой Дух» — в истории и «народном духе». Эта концепция постулировала две важные предпосылки гегелевского понимания научности. Мысль Гегеля о существовании некоего идеального Первоначала, некой высшей Субстанции, «абсолютного Духа», который реализуется в конкретно-чувственных формах бытия, приводила к отрицанию эмпиризма. Идея не является обобщением эмпирических фактов, поскольку она им предшествует. Следовательно, научный метод — движение не от частного к общему, а от общего к частному, не от факта к идее, а от идеи к факту. Прежде чем изучать конкретные произведения искусства, нужно уяснить себе то, что их объединяет — идею прекрасного.

Гегель находил пример такого подхода у античных мыслителей, в частности у Платона, доказывавшего несостоятельность чувственного познания, которое не может претендовать на истинность и оборачивается отдельным, частным «мнением». Мир чувственных восприятий, по Платону, — мир видимостей. Подлинным миром является мир идей (эйдосов).

³ Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1968. Т. 1. С. 17.

Таким образом, уже философы античности онтологизировали идею. Однако Гегеля не устраивали неподвижность и универсальность платоновского мира эйдосов. Ядром гегелевской диалектики была идея становления, движения, развития. «Абсолютный Дух» пребывает не в покое, но в саморазвитии, оно воплощается в вечно меняющихся формах жизни, истории, искусства. Стремление изучать мир в движении для Гегеля важнейший принцип научной методологии. «Это движение чистых сущностей также составляет в целом природу научности», — писал он⁴. Так, с другой стороны и исходя из иных философских посылок Гегель сближается с Гердером и становится одним из основоположников историзма.

Таким образом, немецкая классическая философия заложила философские основы дескриптивной (описательной) литературной критики, которая на рубеже XVIII–XIX вв. приходит на смену нормативной эстетике. Дескриптивная критика предваряла рождение науки о литературе, которая видела свою задачу в том, чтобы описывать и объяснять литературное произведение, а не оценивать его с позиций универсального вкуса и соблюдения правил. Нужно судить писателя по тем законам, которые он сам для себя устанавливает. Эта новая установка привела к рождению науки о литературе.

В XIX в. филология приобрела высокий статус. В своей книге «Будущее науки» (1848) французский писатель и историк Эрнест Ренан (1823–1892), ставший одним из самых влиятельных мыслителей во Франции второй половины XIX в., посвятил филологии отдельную главу. Он отводил филологии и, в частности, истории литературы особое место не только в системе современного ему научного знания, но и в культуре XIX в. «Я не боюсь впасть в преувеличение, — писал он, — если скажу, что филология, неразрывно связанная с критикой, является одним из наиболее существенных элементов современного сознания, что без филологии современный мир не был тем, чем он является...»⁵ Филологов Ренан считал «основоположниками современного сознания»⁶. Но что понимал Ренан под «современным сознанием»? Его важнейшими характеристиками, по Ренану, являются

⁴ Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней. СПб.: Петрополис, 1997. С. 70.

⁵ Renan E. L'Avenir de la science. Paris: Calmann Lévy, 1890. P. 138.

⁶ Ibid. P. 141.

«рационализм, критика и либерализм»⁷. Филология создала новый тип интеллектуальной культуры, основанной на критическом разборе текстов. Если в Средние века тексты читали, заучивали и интерпретировали в свете новых, современных интерпретатору смыслов, которые «вчитывались» в старый текст, то филология стала задавать вопросы по поводу текстов, разработала исторический подход к анализу произведения, т. е. стала определять смысл текста исходя из того социокультурного и исторического контекста, в котором он создавался. Современное сознание производит рационализацию и историзацию всего сверхъестественного. Примером была книга Ренана «Жизнь Иисуса» (1863–1868), в которой он изображал Иисуса исторически существовавшим проповедником.

Таким образом, современное сознание ставит разум выше авторитета и традиции. Современное сознание, по Ренану, — это свободное от догм и произвольных, не опирающихся на изучение и анализ конкретных фактов интеллектуальных схем историческое и критическое сознание. «Нужно решительно отказаться от попыток старой школы создавать представление о вещах посредством игры бессодержательными формулировками», — декларирует Ренан⁸. Союз филологии и философии, эрудиции и мысли, конкретного, эмпирического знания и теории — таков идеал научного знания у Ренана.

В конце XIX столетия высокая оценка филологии, данная Ренаном, была поддержана немецким философом Фридрихом Ницше (1844–1900), который начинал свою карьеру как филолог-классик, специалист по античной литературе. В книге «Человеческое, слишком человеческое» Ницше так оценивал вклад филологии в культуру: «Всякое сильное направление односторонне; оно приближается к направлению прямой линии и, подобно последней, исключительно, т. е. оно не соприкасается со многими другими направлениями, как это делают слабые партии и натуры в их волнообразном движении из стороны в сторону, поэтому надо простить и филологам, что они односторонни. Восстановление и очищение текстов наряду с их объяснением, в течение веков выполняемое одним цехом, дало наконец теперь возможность открыть верные методы; все Средневековье было

⁷ Renan E. *L'Avenir de la science*. Paris: Calmann Lévy, 1890. P. 141.

⁸ Ibid. P. 136.

глубоко неспособно к строго филологическому объяснению, т. е. к простому желанию понимать то, что говорит автор; найти эти методы было настоящим делом, которое не следует оценивать слишком низко! Вся наука приобрела непрерывность и устойчивость лишь благодаря тому, что достигло совершенства искусство правильно читать, т. е. филология»⁹.

На рубеже XIX–XX вв. университеты стали центрами интеллектуальной жизни, оплотом всего нового и передового. Гуманитарная интеллигенция усиливала свое влияние на общественное мнение, ярким свидетельством чего стало знаменитое дело Дрейфуса, в котором самое активное участие приняли представители свободных профессий, в том числе и университетские профессора. Современный французский исследователь Кристоф Шарль в своей книге «Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века» (1998) делает вывод о росте влияния профессуры во Франции в конце XIX в.; более того, он констатирует усиление статуса гуманитарного знания. «Если во времена Революции и Империи научное лидерство Франции было связано с математикой и физикой, то теперь гуманитарные науки выступают на равных с точными»¹⁰.

Однако уже в первые десятилетия XX столетия ситуация начнет меняться. В эссе «Миссия университета» (1930) испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) с тревогой писал, что роль духовного наставника общества перехватила пресса. Философа тревожит эта тенденция, так как пресса редуцирует настоящее к сиюминутному, к тому, что у всех на устах; а сиюминутное, общеинтересное не всегда самое главное и существенное. Миссией университета Ортега-и-Гассет считал производство строгого знания и «формирование научной точки зрения на все человеческое и божественное»¹¹. Задача университета — отобрать у прессы роль духовного наставника общества.

Гуманитаристика вернет себе утраченные позиции в 1960–1970 гг., прежде всего благодаря достижениям европейского структурализма, работам К. Леви-Стросса, Р. Барта, М. Фуко, Ю. Кристева, Ж. Женетта и др. Структурализм с характерной для него установкой на достижение точности и строгой

⁹ Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Изд-во «Мысль», 1990. Т. 1. С. 384.

¹⁰ Шарль К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века. М.: Новое изд-во, 2005. С. 60.

¹¹ Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2010. С. 37.

научности гуманитарного знания стал задавать модели мышления другим отраслям знания. Понятие «структура» вошло в культурный обиход.

Однако уже в конце прошлого столетия произошло заметное снижение статуса гуманитарных наук вообще и филологических дисциплин в частности, о чем свидетельствует, в частности, сокращение количества переводов¹².

Важнейшей причиной стало влияние постструктуралистских и постмодернистских концепций на культурное сознание Запада, спровоцировавшее «кризис рациональности», т. е. утрату прежней веры в разум и науку. В 1979 г. увидела свет книга французского философа Жана-Франсуа Лиотара (1924–1998) «Состояние постмодерна», в которой он возвестил о конце «больших нарративов», т. е. прежних идеалов гуманизма и прогресса, важнейшим двигателем которого является наука. Лиотар отрицал привилегированный статус науки в современной культуре. С его точки зрения, наука не может более претендовать на постижение истины и обеспечение общественного прогресса. Она всего лишь один из «дискурсов», один из способов мышления в ряду прочих, равновидность языковой игры. После кризиса метанарративов наука не может легитимировать даже саму себя, т. е. не может доказать истинность продуцируемого ею знания, ибо эта «истинность» держалась на соответствии знания «большим нарративам». «Наука играет собственную игру, она не может легитимировать другие языковые игры»¹³.

Эпоха и культура постмодерна характеризуется ситуацией посттотальности, т. е. утратой господствующей идеи, культурной доминанты. В обществе постмодерна борются на равных различные дискурсы, способы мышления и формы социальной жизни. По мнению Лиотара, «легитимация не может прийти ниоткуда, кроме их (людей. — В. Т.) языковой практики и их коммуникационного взаимодействия»¹⁴. Разумеется, все это было экстраполировано на гуманитаристику и вызвало то состояние гуманитарного знания, которое некоторые современные исследователи описывают как «кризис наук о человеке», «методологическую растерянность» и «распад гуманитарного сообщества».

¹² Хапаева Д. Р. Герцоги республики в эпоху переводов: гуманитарные науки и революция понятий. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 220–226.

¹³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С. 98.

¹⁴ Там же. С. 101.

Свою точку зрения на состояние современного гуманитарного знания изложил известный французский философ, один из корифеев постструктурализма и постмодерна Жак Деррида (род. 1930) в лекции «Университет глазами его питомцев» (1983), которая была им прочитана в одном из американских университетов. Как и подобает серьезному философу, Деррида рассматривает проблемы современного университета в философской перспективе: он пытается ответить на вопрос об изначальных основаниях существования такой социальной институции, как университет. Обсуждение вопроса о статусе современного университета плавно переходит в размышления философа о предпосылках, основаниях и судьбах рациональности в западной культуре. Деррида задается вопросом, можно ли найти разумные основания самому принципу рациональности, тому самому разумному основанию, которое и стало фундаментом университетской институции. Не вдаваясь в детали и не пытаясь воспроизвести здесь логику и аргументацию Деррида, что увело бы нас от темы, зафиксируем только, что Деррида-постструктуралист проблематизирует категорию и принцип рациональности, а значит, в известной степени делегитимирует претензии Университета быть оплотом рациональности в современном мире. С точки зрения Деррида, в новой социокультурной ситуации невозможно более существование той модели Университета, которая была создана в XIX в. и принцип построения которой наиболее полно был сформулирован И. Кантом в следующих словах: «Под управлением разума наши знания вообще должны составлять не отрывки, а систему, так как только в системе они могут поддерживать существенные цели разума и содействовать им»¹⁵. Принцип системности противоречит дерридианской «философии множественности». Университет не может более говорить от лица Разума, поскольку сама рациональность поставлена Деррида под вопрос. Университет не может более, как это было во времена Канта, претендовать на независимость, на проведение фундаментальных исследований, бескорыстный и не зависящий от соображений пользы поиск истины. «Ничто в науке более не может претендовать на независимость. Здесь все направлено на достижение пользы», — констатирует Деррида¹⁶. В чем же причина

¹⁵ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 486.

¹⁶ Деррида Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. 2003. № 6. [Эл. ресурс] URL: <https://strana-oz.ru/2003/6/universitet-glazami-ego-pitomcev> (дата обращения: 15.09.21).

такой перемены? Дело не только в том, что для Деррида-постмодерниста в свете его релятивистской «философии множественности» категория Истины, как и категория Разума, становится весьма проблематичной. Деррида увязывает изменение ситуации в науке с возросшим влиянием на нее вненаучных факторов — интересов военных, политических, финансово-экономических структур. «...Никогда прежде так называемая фундаментальная наука не была до такой степени вовлечена в достижение милитаристских целей», — заключает Деррида¹⁷.

В этом контексте становится понятным взгляд Деррида на место гуманитарного знания в современном мире. Оно не осмысливается философом в категориях гуманизма, развития и совершенствования человеческой личности, важного инструмента ее социализации, гуманизации общественных отношений и т. д. Гуманитаристика в современном мире — ставка в борьбе за власть. «Теория литературы или искусства вполне может быть использована в идеологической войне», риторика, герменевтика, семиология, структурная лингвистика, литературоведение — все это может работать на интересы национальной безопасности, идеологической войны¹⁸.

Деррида довольно трезво и не без некоторой доли цинизма описывает и другую функцию гуманитаристики — быть своеобразным клапаном, выпускающим пары социальной напряженности и деструкции. Он утверждает, что даже те исследования и факультеты, которые, казалось бы, не приносят непосредственной и прямой пользы и не служат интересам власти, межгосударственных корпораций, военных структур, крупного капитала, все-таки приносят пользу «уже в том, что факультет занимает мастеров слова, профессионалов риторики, логики, философии, которые в противном случае могли бы по-другому использовать свою энергию»¹⁹. И, наконец, гуманитаристика рассматривается и как некое необязательное, но желательное украшение социума, знак его богатства: «К тому же все это служит гарантией некоего идеологического превосходства общества, которое в состоянии позволить себе определенную бесполезность и роскошь. Впрочем, учитывая известную случайность научного поиска, всегда можно надеяться на какой-то практический

¹⁷ Деррида Ж. Указ. соч.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

результат, на возможную пользу самого бесполезного с виду исследования — в философии или гуманитарных науках»²⁰.

Деррида зафиксировал в своей лекции снижение статуса гуманитарного знания на современном этапе. Оно более не является инструментом поиска Истины, средством достижения социального прогресса, способом гуманизации общества, формирования свободного критического мышления. Современная гуманитаристика подчинена утилитарным задачам социальной инженерии.

«Технологизации» университетской жизни, под которой Деррида понимает тотальное подчинение Университета информационным технологиям и другим внешним силам, французский философ противопоставляет «новые формы ответственности», которую должны принять на себя представители академического сообщества. Что же это за формы? И в чем, по Деррида, заключается эта «ответственность»?

В ответе на этот вопрос мысль философа, который несколькими страницами ранее давал весьма трезвый социологический анализ ситуации в сфере науки и образования, делает удивительный кульбит. Чуть ли не марксистская риторика Деррида вдруг переходит в другой, более органичный для пост-структуралиста лингвистический регистр. Прислушаемся: «Речь, конечно, не о том, чтобы отвергнуть эти технологии. И не о том, чтобы ничтоже сумняшеся утвердить оппозицию между инструментальным измерением языка и неким доинструментальным («подлинным», собственно «поэтическим») его истоком. <...> Мы ставим новые вопросы, защищая, возможно, ту часть философии и гуманитарных наук, что всегда противилась технологизации; сохраняя, возможно, память о том, что гораздо древнее разумного основания»²¹.

Показательно в этом пассаже не только обращение к лингвистической теме, что вполне объяснимо для философа, провозгласившего знаменитое «il n'y a pas de hors texte» («нет ничего вне текста»), но и поиск некой универсальной сущности, которая гораздо древнее рациональности, является его основанием и которую Деррида обозначает словом *arkhe*.

Мутация, произошедшая в культурном сознании второй половины — конца XX столетия, по сравнению с XIX в., ярким

²⁰ Деррида Ж. Указ. соч.

²¹ Там же.

выражением которой стал постмодерн, может быть проиллюстрирована сопоставлением Ренана и Деррида. Ренан видел важнейшую функцию филологии в формировании исторического сознания. Размышляя о соотношении философии и филологии, он приходит к выводу, что «подлинная философия и является наукой о человечестве, а исследование человека, который пребывает в постоянном *становлении*, не может быть ничем иным, как изучением его истории»²². Ж. Деррида игнорирует историю, ищет некую универсалию, лежащую в основе человеческой рациональности. Если Ренан стремился к балансу философии и филологии, гармонизации эмпирического знания, поставляемого филологией, и теоретических, философских обобщений, выстраиваемых на основе этого знания, рассматривал филологическую «эмпирику» необходимым фундаментом философии, то Деррида однозначно отдает первенство философу-теоретику. Он сочувственно ссылается на Аристотеля, утверждавшего в своей «Метафизике», что тот, кто обладает знанием оснований, отвлеченным теоретическим знанием, является наставником и властителем общества. В такой перспективе филологу отводится второстепенная роль простого ремесленника, поставщика эмпирических фактов, который хотя и делает что-то, но сам того не сознавая.

В лекции Деррида нашли отражение некоторые тенденции современной гуманитарной мысли. Деррида косвенно признает доминирование философского дискурса над научным. Его призыв к «новой ответственности», обращенный к академическому сообществу, в сущности, апелляция к деструкции рациональности. Деррида осознает значимость своего проекта, о чем свидетельствует прескриптивная модальность его обращения к академическому сообществу: призыв к «новой ответственности», его слова о «начинании», к которому он призывает, наконец, полемика с учеными-ретроградами, которые не готовы принять на себя эту «новую ответственность» и поддержать «начинание» Деррида: «Однако начинание, к которому я здесь призываю, иным представителям “гуманитарных” (показательно это завычивание слова «гуманитарных» как выражение иронии автора по отношению к тем, кто еще верит в гуманизм и его однокоренные производные, в том числе и в гуманитарные науки. — В. Т.) и позитивных наук часто воспринимается как угроза»²³. Далее

²² Renan E. Op. cit. P. 132.

²³ Деррида Ж. Указ. соч.

следует филиппика в адрес гуманитариев-ретроградов, не готовых поддержать проект Деррида, которых он обвиняет в обскурантизме и нигилизме. Есть кое-что примечательное в стилистике этой филиппики, на что мы хотели бы обратить внимание: «Обскурантизмом и нигилизмом отличаются все те, кто мнят себя защитниками философии, литературы и гуманитарных наук, отрицая все новые подходы вопрошающего мышления, которые неразрывно связаны с новым отношением к языку и традиции, с новым способом утверждения, с возложением на себя новой ответственности»²⁴. Два момента обращают на себя внимание в риторике этого пассажа: во-первых, попытка дискредитировать оппонентов, обвинив их в трусости и нежелании благородно возложить на себя новую ответственность; во-вторых, педалирование темы «новизны». В коротком пассаже Деррида четырежды использует слово «новый» («новые подходы», «новое отношение к языку», «новый способ утверждения» и «новая ответственность»). Через несколько страниц Деррида вновь возвращается в связи с другой темой соотношения фундаментального и прикладного знания к этому акцентированию «новизны»: «Я не хочу сказать, что прикладной характер научного поиска плох сам по себе, что нужно бороться со всякой целесообразностью. Я говорю лишь о необходимости *нововведений*, которые подготовили бы нас к новым типам анализа, позволяющим *по-новому* оценивать конечные цели и делать, если это возможно, свой выбор» (курсив мой. — В. Т.)²⁵. В риторике Деррида, быть может, неосознанно проявляется модернистский и постмодернистский культ новизны как чего-то самоценного и самодостаточного, как будто новизна, а не истина является целью науки. Да, пожалуй, для Деррида так оно и есть. В риторике Деррида отчетливо проявляется стремление к «эстетизации» научного дискурса²⁶, подчинению его правилам и установкам, характерным для дискурса художественной литературы, где новизна и оригинальность, действительно, являются императивом.

Деррида описывает последствия своего проекта по деконструкции рациональности: они весьма серьезны. Осуществление проекта должно «изменить способы письма, драматургию

²⁴ Деррида Ж. Указ. соч.

²⁵ Там же.

²⁶ Об эстетизации науки как характерной установке постмодернизма см.: Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетей, 2000. С. 199–218.

педагогики, процедуры научных дискуссий, отношение к языку, к другим дисциплинам, к самой институции (Университета. — В. Т.)»²⁷. Однако французский философ старательно умалчивает о том, с каких позиций будут вестись деконструкция и деструкция рациональности, оговариваясь лишь, что критика разума не обязательно означает апологию «иррациональности». Не описывая прямо свою методологию, Деррида замечает между тем, что даже психоанализ и марксизм не кажутся ему доктринами, чья методология способна разрушить фундамент рациональности, на котором базируется все здание логоцентричной европейской культуры, поскольку и психоанализ, и марксизм — составная часть этой культуры, они вписаны в нее «остаются внутриуниверситетскими дисциплинами», поскольку базируются на принципах разумного основания, признают «нормы научной практики», важнейшими из которых являются объективность и объективация.

Суть программы Деррида — критика рациональности и ее экстраполяция: истины, объективности, объективации. Но ради чего, с какой целью и с каких позиций предпринята эта критика? «Новое отношение к языку и традиции», о котором пишет Деррида, и есть постструктуралистский и постмодернистский лингвоцентризм и аисторизм.

В сущности, Деррида и его единомышленники, на место одних «больших нарративов» о прогрессе, гуманизме, рациональности пытаются воздвигнуть другой «большой нарратив», нарратив «языковых игр», «конкуренции дискурсов», якобы способных бросить вызов «дискурсу власти», дискурсу тотальности и тоталитаризма и привести к его разрушению.

Далеко не все, даже на Западе, разделяют идеи постмодернизма. Критической реакцией на постмодернистские тенденции в современной науке стал неопозитивизм. Постмодернистской критике рациональности и вытекающему из нее релятивизму современные неопозитивисты (Б. Латур, Л. Тевено, Л. Болтански и др.) противопоставили идею возрождения «реализма», т. е. такого взгляда на мир, согласно которому действительность объективно существует, а не является конструктом сознания и языка²⁸. Эта концепция обусловила и перемены в исследовательских подходах: неопозитивисты исповедуют отказ от выстраивания

²⁷ Деррида Ж. Указ. соч.

²⁸ Подробнее см.: Хапаева Д. Р. Указ. соч. С. 66.

произвольных, не основанных на тщательном изучении материала, хотя зачастую и весьма эффективных интеллектуальных конструкций, возврат к «полевым исследованиям», наблюдениям, эксперименту, количественным методам анализа, эрудиции и профессиональной компетентности, точности аргументации. Неопозитивисты исходят из того, что между естественными и социально-гуманитарными науками нет принципиальной разницы с точки зрения их точности и научности, что наблюдение является важнейшим элементом гуманитарных исследований, что их выводы могут быть верифицированы.

В отечественном литературоведении одним из сторонников «позитивистского академизма» выступил М. Л. Гаспаров, утверждавший, что тот «кто внедрил бы его сейчас в изучение новой и новейшей литературы — тот мог бы в нынешней ситуации считаться самым революционным модернистом»²⁹. Под «позитивистским академизмом» М. Л. Гаспаров понимает прежде всего культуру факта, опору на эмпирическое знание, корректное обращение с фактами и их систематизацию как важнейшие задачи науки о литературе. Очевидно, что то, что он называет «нынешней ситуацией» в литературоведении, характеризуется усилением под влиянием постмодернистской парадигмы субъективистских тенденций, подменой строгого исторического знания теоретико-философскими спекуляциями, что вызывает тревогу ученого.

Неопозитивисты реабилитируют фигуру ученого-эксперта, специалиста в своей области, дискредитированную постмодернистами с их концепцией кризиса «больших нарративов». Неопозитивисты предложили свой критерий объективности и истинности знания. Объективным и истинным следует считать то, что принято сообществом экспертов. Д. Г. Хапаева, с одной стороны, выражает сомнение в справедливости этого критерия, напоминая о неудачном опыте коллективной ответственности за истину в советской науке, когда направление научного поиска и его результаты, особенно в сфере гуманитаристики, зачастую испытывали на себе мощное влияние государственной идеологии, или о суждениях западных

²⁹ Цит. по.: Сравнительно о сравнительном литературоведении: транснациональная история компаративизма. Коллективная монография по материалам русско-французских коллоквиумов. 6–7 октября 2009 года и 3–4 октября 2011 года / под ред. Е. Дмитриевой и М. Эспаня. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 144.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru